

Т. П. Карпухина

ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МОРФЕМНОГО ПОВТОРА И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Взаимодействие таких синтагматических явлений, как морфемный повтор и синтаксический параллелизм, может порождать эффект обманутого ожидания, который возникает при условии непредсказуемого нарушения упорядоченности, создаваемой повторяемостью морфем и синтаксических конструкций. Нарушение сложившейся упорядоченности всегда носит частичный характер, затрагивающий отдельные аспекты взаимодействия рассматриваемых явлений, но не устраняющий самого взаимодействия.

Ключевые слова: морфемный повтор, синтаксический параллелизм, эффект обманутого ожидания, индексальность повтора, непредсказуемое нарушение упорядоченности.

Объектом рассмотрения настоящей статьи является совместное функционирование в художественном тексте таких синтагматических явлений, как морфемный повтор и синтаксический параллелизм. Предметному изучению подвергается эффект обманутого ожидания, нередко сопровождающий взаимодействие указанных явлений в английской художественной прозе. Прежде чем перейти к анализу рассматриваемого феномена, определим используемые в данной статье понятия.

Под морфемным повтором в работе понимается итерация лексической морфемы, корневой и аффиксальной. Грамматические (флективные, формообразующие) морфемы из рассмотрения исключались. Исходя из широкой трактовки морфемы как части слова, выделяемой на основании ее рекуррентности, встречаемости в других словах и членности слова – живой, условной, дефектной [1], в слове вычлениют как истинную морфему (свободную и связанную), так и псевдо-(квази-)морфему. К свободным относятся корневые морфемы в следующих текстовых цепочках с повторяющимся корнем (fog – foggy) и аффиксом (ceaseless – thankless, unfair – unjust). Связанными являются морфемы в следующих цепочках с повторяющимся корнем (arrogant – arrogance) и аффиксом (terrible – horrible). Примером псевдоморфемы может служить сегмент, формально совпадающий с морфемой, но не являющийся таковой в синхроническом плане (restore – recognize).

Под синтаксическим параллелизмом в работе понимается повторение в однотипных синтаксических позициях однотипных синтаксических единиц с разным или сходным лексическим наполнением, допускающим такой повтор слов (знаменательных и служебных), который не разрушает параллелизм полным лексическим тождеством.

Суть понятия «обманутого ожидания» (“defeated expectancy”), предложенного Р. Якобсоном, точно передается в его формулировке, акцентирующей реакцию воспринимающего сознания на не-

что, не оправдавшее его ожиданий. Данное явление базируется на характеристике, общей для производства и восприятия речи, а именно опережающем отражении [2, с. 221], представляющем собой основную форму «приспособления живой материи к пространственно-временной структуре неорганического мира, в котором последовательность и повторяемость являются основными временными параметрами» [3, с. 24]. В свое время об этом рассуждал Э. Мах, подметивший «приблизительное постоянство среды», способность человека в результате опыта «узнавать постоянства», приспособление к ним нашей психической организации, что «доставляет нам особые преимущества. Тогда мы сознательно и произвольно вводим допущение дальнейших постоянств, в ожидании дальнейших преимуществ, если допущение оправдается» [4, с. 62–63].

В восприятии речи закон опережающего отражения действительности проявляется в вероятностном прогнозировании, которое представляет собой «процесс упреждения целого, предвидения элементов, последующих за данным элементом, на основе оценки априорной вероятности их появления в апперцепируемом целом» [2, с. 228]. Вероятностное прогнозирование, опирающееся на прошлый опыт, предвосхищает, прогнозирует возможное будущее. И оно тем точнее, чем выше степень повторяемости и регулярности элементов, образующих это целое.

В отношении речевой деятельности сказанное преломляется следующим образом. Вследствие линейного, непрерывного характера речи, где «появление каждого отдельного элемента подготовлено предшествующими и само подготавливает последующие» [5, с. 70], читатель/слушающий предугадывает дальнейшее развертывание речи, ожидая появления наиболее вероятных, предсказуемых элементов. Это касается единиц всех уровней, поскольку закон опережающего отражения проявляется в упреждении, предугадывании «всех речевых

образований – слога, слова, фразы и способов соединения фраз» [6, с. 38]. Отсюда следует, что этому закону подчиняется и морфема как часть слова, и синтаксический параллелизм как способ соединения речевых отрезков.

Важнейшую роль вероятностного принципа в процессе восприятия речи подтвердили многочисленные эксперименты, указавшие на наличие в психике человека механизма «субъективной оценки вероятности слов и других элементов», которые «вполне удовлетворительно коррелируют с объективной вероятностью этих элементов в тексте» [7, с. 85; 8]. Отвечает за этот механизм наша память, которая есть не что иное, как приспособление к периодическим процессам [4, с. 78]. В случае появления элемента малой вероятности возникает эффект обманутого ожидания.

Вызвавший такую реакцию элемент низкой предсказуемости осуществляет роль своеобразной «психической заперды» (выражение Т. Липпса) [9, с. 282–283], с одной стороны, затрудняющей восприятие, с другой – подвигающей его на усилия по преодолению этой преграды. Известная со времен русской формалистической школы проблема обновления, деавтоматизации восприятия [10, с. 62–64] обрела в термине «обманутое ожидание» новую жизнь, поскольку он оказался иным ракурсом все той же, по-прежнему актуальной проблемы восприятия произведения искусства.

В рамках теории выдвижения [11] обманутое ожидание рассматривается как средство усиления выразительности текста, выдвигающее на первый план особенно важные элементы сообщения [5, с. 62–65]. В основе механизма этой разновидности выдвижения лежит нарушение предсказуемости, связанной с приемом сцепления, когда вместо ожидаемых появляются неожиданные единицы [12, с. 215, 248].

Рассмотрим действие этого эффекта применительно к объекту исследования, каковым является морфемный повтор в его взаимодействии с синтаксическим параллелизмом. Напомним, что и морфемная итерация, и синтаксический параллелизм являют собой повторение – в первом случае речь идет о части слова, во втором – о синтаксической конструкции. Таким образом, эти два вида повтора – на морфемном и синтаксическом уровне – отсылают к чему-то, что уже имело место и теперь вновь повторяется, пусть и в другом окружении. Читателя, таким образом, побуждают «оглядеться и выяснить, к чему относится то, что было сказано», а это не что иное, как суть индексального знака [13, с. 198]. Можно предположить, что механизм обманутого ожидания будет строиться на несоблюдении основополагающего принципа, присущего рассматриваемым явлениям, того, что определяет

их индексальную природу, т. е., собственно, самого повторения.

Предваряя анализ, заметим, однако, что эффект обманутого ожидания вовсе не носит строго обязательного характера. В тексте можно встретить вполне регулярные предсказуемые сцепления, в которых наличествует не нарушаемая ничем упорядоченность как со стороны морфемной итерации, так и синтаксического параллелизма. Заметим, что это касается в основном тех случаев, когда параллельная связь сцепляет две структуры. Число конститuentов при этом может варьироваться, включать две и более языковые единицы:

<...> To witness this, was to be at once ceaseless excitation and ruthless restraint (Ch. Bronte, Jane Eyre, p. 241);

That night Rebecca sang more sweetly and talked more pleasantly than she had ever been heard to do in Park Lane (W. Thackeray, Vanity Fair, p. 197);

He asked impossible things, he made terrible scenes (V. Woolf, Mrs. Dalloway, p. 70).

Обратимся к рассмотрению такого взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма, которое приводит к созданию эффекта обманутого ожидания.

Простейшим случаем синтаксического параллелизма, представляющего собой повторяемость однотипных синтаксических единиц в однотипных синтаксических структурах с разным или сходным лексическим наполнением, являются сочетания из двух слов. Таковым предстает, например, сочетание местоимения и существительного. Приведем пример подобной параллельной конструкции, втягивающей в свою орбиту производные слова с общей суффиксальной морфемой. Заметим, что, в отличие от приведенных выше примеров полной, предсказуемой согласованности двух параллельных структур, здесь наблюдается параллелизм, охватывающий три конструкции:

All the time he was away from her she had summed him up, seen his littleness, his meanness and his folly (D. H. Lawrence, Sons and Lovers, p. 260).

Будучи подготовленным повтором – лексическим (his), морфемным (-ness) и синтаксическим (параллелизмом), воспринимающее сознание упреждает, по закону опережающего отражения, появление однотипных единиц, сцепленных в единство. Эти ожидания оправдываются, однако, не полностью. Цепь, не размыкаясь совсем, сохраняя параллелизм структур, заканчивается «слабым звеном», не содержащим морфемной итерации. Сочетание his folly, подчиняющееся общему параллелизму структур и сохраняя повтор местоимения, отсылает, указывает на предыдущие, аналогично построенные конструкции и, таким образом, пусть не полностью, но в определенной мере соответ-

вует взаимно-индексальному характеру соотносимых параллельных конструкций.

Аналогичную картину видим в следующем предложении, содержащем слова со связанными корнями, членимыми только на морфемном, а не на деривационном уровне. Обратим внимание на то, что повторяются разные варианты одной и той же морфемы *-ance/-ence*. Заметим, что синтаксический параллелизм дополнительно усилен за счет полисиндетона – повтора разделительного союза *or*:

He consults and hires surveyors, engineers and labourers none of whom complains of his ignorance or his impatience or his patrimony, as an employer (G. Swift, Waterland, p. 69).

Отсечение, устранение морфемного повтора от участия в конечном звене параллельной конструкции является своеобразной апокопой, предполагающей выпадение конечных отрезков. Это касается не только парных сочетаний. Приведем пример трехсловных параллельных конструкций, демонстрирующих отсутствие повторяющейся морфемы в последнем параллельном звене:

At which you would laugh, and prove your inquisitive minds, your detective spirit – your historical consciousness (G. Swift, Waterland, p. 107).

Очевидно, что в приведенных случаях прекращение дальнейшего распространения морфемной итерации на все слова, охватываемые синтаксическим параллелизмом, приводит к эффекту обманутого ожидания. Частично все же эти ожидания оправдываются, поскольку сохраняется общая взаимно-индексальная связь между тремя синтаксически и лексически связанными параллельными звеньями.

Сказанное не означает, что данный эффект всегда реализуется по такой, раз найденной и эксплуатируемой далее схеме повторяемости. Приведем пример синтаксического параллелизма с повтором местоимения, существительного и уже встречавшейся морфемы. Здесь она также представлена вариантами *-ance/-ence*, содержащимися в словах, членимых как на словообразовательном (см. свободные корни *depend* и *confide*), так и на морфемном уровне (см. связанный корень **argog-*, выделяющийся также в прилагательном *arrogant*):

<...> It was yet problematical whether Gloria without her arrogance, her independence, her virginal confidence and courage, would be the girl of his glory. The radiant woman who was precious and charming... (F. S. Fitzgerald, The Beautiful and Damned, p. 160)

Приведенное предложение, в котором неоднократно повторение – лексическое (*her*), морфемное (*-ance/-ence*), синтаксическое (параллелизм), вначале четко укладывающееся в схему контактно-расположенных компонентов (*pron + N*), формирует определенные, предсказуемые ожидания. И вдруг на третьем звене сцепляемых параллель-

ных конструкций происходит некий сбой, обусловленный появлением новых слов – *virginal*, вклинивающегося (по типу тмезиса) между компонентами параллельной структуры, и *courage*, присоединяемого к данной структуре копулятивным союзом *and*.

Таким образом, основой механизма, запускающего эффект обманутого ожидания, в данном случае является внедрение инородного элемента в синтаксически и морфематически упорядоченную структуру, осуществляемое двумя путями: инклюзивным и присоединительным. И вновь мы говорим о частичном, а не о полном нарушении ожиданий. Непредсказуемые изменения, во-первых, не устраняют синтаксического параллелизма, усиленного повтором местоимения. А это означает сохранение индексальной связи между всеми параллельными звеньями.

Приведем пример, в котором непредсказуемыми являются отсечение срединного компонента (по типу синкопы) во второй параллельной структуре и полное устранение морфемной итерации в последней, третьей структуре (по типу апокопы):

These money transactions – these speculations in life and death – these silent battles for reversionary spoil – make brothers very loving toward each other in Vanity Fair (W. Thackeray, Vanity Fair, p. 124).

И в этом случае механизм создания эффекта обманутого ожидания один и тот же: изменение носит частичный характер, так как сохраняется общая связь между соответствующими параллельными структурами. В данном примере, где морфемный повтор уходит со сцены в заключительном параллельном звене, с той же ясностью, как и в ранее приведенных фрагментах, вырисовывается роль синтаксического параллелизма, который обладает значительной объединяющей силой, не позволяющей разорвать взаимно-индексальные связи между аналогичными структурами.

Указанная модель нарушения читательских ожиданий активно используется писателями, иллюстрацией чего может служить следующий пример, отличающийся от предыдущего лишь лексическим наполнением схемы и предваряющим использованием слова с тождественной морфемой, не входящего в параллельную структуру:

The mainspring of his *existence* was taken away when she died and with it had gone his bounding assurance, his impudence and his restless activity (M. Mitchell, Gone with the Wind, p. 427).

В рассматриваемых до сих пор случаях описываемый эффект создавался средствами, предполагающими опору на линейное развертывание, которое допускает не только прибавление элементов (например при тмезисе), но и их убавление (при апокопе и синкопе).

Следует заметить, что в любом из приведенных примеров, каким бы образом ни нарушалась упорядоченность, внимание в целом приковано к многократно повторяющимся компонентам, но в то же время под воздействием внезапного появления непредсказуемого элемента, разрушающего эту упорядоченность, внимание дополнительно привлекается и к этому элементу, обновляя, таким образом, восприятие.

Эффект обманутого ожидания, наблюдаемый при взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма, может создаваться и другими средствами, эксплуатирующими не только свойство линейности речи в ее проспективном развитии.

Так, в следующем отрывке, изобилующем антитезами, рисуются в ироничном свете молодые романтические особы, которые видят своего избранника идеальным воплощением лучших качеств, а не тем, кем он является на самом деле (ослом, по мнению повествователя). Во взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма непредсказуемой является замена ожидаемой в производном существительном суффиксальной морфемы *-ness* на *-ity* в последней паре противопоставленных слов:

Perhaps some beloved female subscriber has arrayed an ass in the splendour and glory of her imagination; admired his dullness as manly simplicity; worshipped his selfishness as manly superiority; treated his stupidity as majestic gravity, and used him as the brilliant fairy Titania did a certain weaver at Athens (W. Thackeray, Vanity Fair, p. 154).

Вместе с тем в приведенном предложении собственно синтаксический параллелизм сохранен полностью. Приведем пример несколько иной замены, не на морфемном, а на лексическом уровне, который затрагивает параллелизм структуры:

She was deeply herself; she was immeasurably sincere – of these things he was certain (F. S. Fitzgerald, The Beautiful and Damned, p. 86).

Непредсказуемым является соотнесение возвратного местоимения (*herself*) и прилагательного (*sincere*), что нарушает симметричность соотносимых структур и делает параллелизм неполным. Вместе с тем, с точки зрения семантики, указанные слова, нарушая формальную упорядоченность, обнаруживают близость в смысловом отношении: искренность как качественная характеристика присуща именно человеку, его самости.

В этой связи уместно привести замечание Р. Якобсона о том, что, изучая параллелизм, мы «узнаем, какие грамматические классы и категории способны друг другу соответствовать в параллельных строках и, следовательно, расцениваться данным языковым коллективом как близкие или эквивалентные» [14, с. 528].

Похожую картину видим в следующем примере, где также формально соотнесены, но, заметим, в смысловом отношении противопоставлены как антонимичные [15], разнотипные единицы: возвратное местоимение (*herself*), относящееся к личности героини, и сочетание существительного с притяжательным местоимением (*her surroundings*), характеризующее ее окружение:

She was conscious in herself, but unconscious of her surroundings (D. H. Lawrence, *Odour of Chrysanthemums and Other Stories*, p. 174).

Более сложную картину взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма, порождающего эффект обманутого ожидания, видим в следующем примере:

She found herself shaking hands with a very small woman with frizzy black hair, tiny black eyes that seemed to jump and snap, a long humorous nose, and an outrageous purple dress (J. B. Priestley, *Angel Pavement*, p. 319).

Нетрудно заметить, что синтаксически параллельными являются все выделенные структуры, созданные по трехкомпонентной модели [adj + adj + N].

Первая пара сочетаний демонстрирует высокую степень упорядоченности, которая задается повтором морфемным (точнее, квазиморфемным, с итерацией адъективного маркера *-y*), лексическим (*black*), синтаксическим (параллелизм структур). Совпадает и порядок расположения конstituентов, при котором слова с одинаковой морфемой занимают начальную позицию, общее наименование цвета – срединную (по типу симплоки), а названия частей тела – конечную.

Такая регулярность формирует определенные ожидания, нарушаемые впоследствии другой парой, в которой повторяется суффиксальная деривационная морфема (*-ous*). Но этим нарушение упорядоченности не исчерпывается.

В третьем сочетании повтор морфемы затрагивает уже не начальную, а медиальную позицию; в четвертом сочетании перемен еще больше: повторяющаяся морфема, вопреки уже новым ожиданиям, занимает не медиальное, а инициальное положение; возвращается, хотя и другое, наименование цвета, что, казалось бы, усиливает соотнесенность с первой парой сочетаний слов. Но внезапное появление обозначения одежды вместо соматизма, подготовленного трехкратным использованием наименований частей тела, нарушает читательские ожидания. Вместе с тем, при всем разнообразии непредсказуемых моментов, основным фактором нарушения упорядоченности следует считать перемену морфемы и изменение порядка слов во второй паре сочетаний слов.

Непредсказуемым является порядок слов и в следующем фрагменте, где повторяется деривационная морфема *-less*:

<...> But he was in the same *listless* state, with no prospect of improvement, – a mere child – a poor, thoughtless, vacant creature – a harmless, fond old man... (Ch. Dickens, *The Old Curiosity Shop*, p. 254).

В первой параллельной структуре слово с этим аффиксом, отсылая к прилагательному *listless*, использованному ранее, но не охваченному параллелизмом, отдает приоритетную, начальную позицию иному, простому, неизменяемому слову. Во второй конструкции слово с этой морфемой вновь выдвигается вперед, отсылая не только к предшествующему слову, но и к первоначальному употреблению (*listless*). Интересно, как обыгрывается здесь индексальность повтора, вновь и вновь возвращающего внимание к указанному прилагательному, которое выступает, таким образом, на первый план в качестве обобщающего обозначения полной апатии и безжизненности и втягивает в свою семантическую орбиту ставшие окказиональными, *ad hoc*, гипонимичными *thoughtless* и *harmless*.

В следующем предложении «нарушителем конвенции», не оправдавшим читательских ожиданий, можно считать собственно синтаксический параллелизм, не распространивший предложную конструкцию на замыкающее звено морфемного повтора:

Gaunt, misshapen and unhealthy, it [the face] expressed at once a meanness of spirit, a slowness of intelligence and, perhaps most chillingly of all an absolute untrustworthiness (J. Coe, *What a Carve Up!*, p. 423).

Говоря о разного рода непредсказуемых нарушениях упорядоченности, которые запускают механизм обманутого ожидания, не следует трактовать их как нечто нелегитимное, не подчиняющееся общему правилу, и вследствие этого как бы менее значимое и ценное. Напротив, в этих неожиданностях находят свое проявление творческие поиски автора, обусловленные желанием вскрыть какие-то новые стороны в объекте, высветить новые смыслы. Не направлены эти неожиданности и на то, чтобы разрушить сложившуюся упорядоченность, о чем не раз говорилось, в связи с сохраняющейся взаимной индексальностью повтора.

Итак, из сказанного явствует, что при взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма нередко возникает эффект обманутого ожидания, обусловленный непредсказуемым нарушением упорядоченности. Читательские ожидания,

подготовленные повторяемостью морфем и синтаксических структур, не оправдывается в том случае, когда автор намеренно разрушает сложившуюся упорядоченность. Речь при этом следует вести не о полном, а о частичном нарушении читательских ожиданий, поскольку изменения, затрагивающие синтаксические параллельные конструкции с входящими в их состав словами с тождественной морфемой, не приводят к упразднению ни параллелизма, ни морфемной итерации. Сохраняется, при всех непредсказуемых нарушениях, и взаимно-индексальная связь между соотносимыми структурами.

Нарушение сложившейся упорядоченности, задезованное, как правило, при наличии трех и более параллельных структур, может происходить как на морфемном, так и на синтаксическом уровне. В первом случае обычно имеет место следующее. Часто происходит неожиданное устранение морфемного повтора от участия в конечном звене синтаксических параллельных конструкций. Нередко наблюдается также замена ожидаемой морфемы, ранее неоднократно повторяемой, на иную.

На уровне синтаксической структуры наблюдается следующее. Отмечается непредсказуемое устранение параллелизма от участия в объединении конечного звена морфемного повтора. Может происходить инклюзивное включение – по типу тмезиса – слова, вторгающегося в сложившуюся конструкцию и нарушающего точный параллелизм. Нередко имеет место противоположный процесс – не добавление чуждого слова, а отсечение ожидаемого компонента: срединного или конечного. Иными словами, наблюдается выпадение – по типу синкопы или апокопы – из параллельной конструкции слов с соответствующей морфемой.

Общим и для морфемного повтора, и для синтаксического параллелизма является возможное нарушение в параллельных конструкциях сложившегося порядка расположения слов с общей морфемой.

Проведенное исследование расширяет представления о функционировании в художественном тексте таких синтагматических явлений, как морфемный повтор и синтаксический параллелизм. В работе выявлен и описан механизм создания эффекта обманутого ожидания, в основе которого лежит взаимодействие разноуровневых видов повтора – морфемного и синтаксического. Полученные данные способствуют более глубокому проникновению в тайны художественного творчества.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. О типах морфологической членности, квазиморфах и маркерах // *Вопр. языкознания*. 1970. № 2.
2. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2001. 432 с.
3. Анохин П. К. Биология и нейрофизиология рефлекса. М., 1968.
4. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 456 с.
5. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300 с.
6. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
8. Фрумкина Р. М. Объективные и субъективные оценки вероятностей слов // *Вопр. языкознания*. 1966. № 2.
9. Выготский Л. С. Психология искусства. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.
10. Шкловский В. Гамбургский счет. М.: Сов. писат., 1990. 544 с.
11. Riffaterre M. Criteria for Style Analysis // *Word*. 1959 (1960). Vol. 15. № 1 (см. рус. перевод в кн.: Новое в зарубежной лингвистике. 1980. Вып. 1).
12. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.
13. Пирс Ч. С. Из работы «Элементы логики. Grammatica Speculativa» // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. С. 165–226.
14. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Там же. С. 525–546.
15. Карпухина Т. П. Отношения антонимии между словами, связанными морфемным повтором в английской художественной прозе // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. 2006. Вып. 4 (55). С. 110–118.

Карпухина Т. П., доктор филологических наук, профессор кафедры.
Дальневосточный государственный университет.
Ул. К. Маркса, 68, Хабаровск, Россия, 680000.
E-mail: artemij1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 01.08.2012.

Т. П. Карпухина

THE EFFECT OF DEFEATED EXPECTANCY CREATED BY THE INTERRELATION OF MORPHEMIC REPETITION AND SYNTACTICAL PARALLELISM IN ENGLISH ARTISTIC PROSE

Interrelation of morphemic repetition and syntactical parallelism in English fiction is not infrequently accompanied by the phenomenon of defeated expectancy. The combination of twofold repetition – of those of morphemes and of syntactical structures – reciprocally enhance the rule and order they create. Unpredictable breach of the established rule leads to defeated expectancy on the part of the reader. This effect is never realized in full, since the unexpected changes enforced by the author do not radically affect or annihilate either morphemic repetition or syntactical parallelism.

Key words: *morphemic repetition, syntactical parallelism, the effect of defeated expectancy, indexicality of repetition, unpredictable breach of the established rule.*

Far Eastern State University of Humanities.
Ul. K. Marksa, 68, Khabarovsk, Russia, 680000.
E-mail: artemij1@rambler.ru